

Революция - это больше, чем слово

Двадцать три тезиса об анархизме

Габриэль Кун

Оглавление

Введение	3
Что такое анархизм?	4
Анархизм и левые: социал-демократия и ленинизм	5
Анархизм и революция	7
Проблемы анархизма сегодня	9
Что делать?	11

Введение

В начале нового тысячелетия анархизм переживал небывалый подъём. В получившей широкую известность статье 2004 г. Дэвид Грэбер и Андрей Грубачич провозгласили его «революционным движением двадцать первого века», а в недавно вышедшей книге о движении «Захвати Уолл-стрит», озаглавленной «Переводя анархию» (Translating Anarchy) и состоящей из интервью с многими организаторами, автор — Марк Брэй — утверждал, что анархические идеи являлись ведущей идеологической силой протестов. Между тем, количество анархических проектов (журналов, книжных ярмарок, инициативных групп) заметно увеличилось за последние двадцать лет. И это всё замечательные новости. В то же время, неолиберальные правила игры доминируют, пропасть между богатством и бедностью растёт с каждым днём, бушуют войны, тотальная слежка превзошла оруэлловские масштабы и, кажется, ничто не способно остановить экологическую деградацию того мира, который мы знали. И если данному порядку вещей бросается хоть сколь-нибудь значимый вызов, то он исходит или со стороны религиозных фундаменталистов и неофашистов, или, в лучшем случае, от левых движений, вращающихся вокруг харизматических лидеров и популистских партий. Даже если можно говорить об анархических элементах в восстаниях - от площади Тахрир в Каире до улиц города Фергюсона в Миссури - всегда встаёт вопрос, играют ли в этих событиях значительную роль те анархисты, которые сами себя так называют. Короче говоря, несмотря на упомянутый подъём, анархизм всегда выглядит маргинализированным, когда он сталкивается с по-настоящему серьёзными вещами. Так что, кажется, настал самый подходящий момент для того, чтобы поразмышлять о роли анархизма на политической арене и оценить его сильные и слабые стороны.

В то же время, неолиберальные правила игры доминируют, пропасть между богатством и бедностью растёт с каждым днём, бушуют войны, тотальная слежка превзошла оруэлловские масштабы и, кажется, ничто не способно остановить экологическую деградацию того мира, который мы знали. И если данному порядку вещей бросается хоть сколь-нибудь значимый вызов, то он исходит или со стороны религиозных фундаменталистов и неофашистов, или, в лучшем случае, от левых движений, вращающихся вокруг харизматических лидеров и популистских партий. Даже если можно говорить об анархических элементах в восстаниях – от площади Тахрир в Каире до улиц города Фергюсона в Миссури – всегда встаёт вопрос, играют ли в этих событиях значительную роль те анархисты, которые сами себя так называют. Короче говоря, несмотря на упомянутый подъём, анархизм всегда выглядит маргинализированным, когда он сталкивается с по-настоящему серьёзными вещами. Так что, кажется, настал самый подходящий момент для того, чтобы поразмышлять о роли анархизма на политической арене и оценить его сильные и слабые стороны.

Содержание данного текста представлено в простой и сжатой манере, что приводит к неизбежным обобщениям. Он основан на опыте Западной и Северной Европы; читатели сами смогут решить, насколько этот опыт совпадает с их собственным, и насколько он подходит к их местным реалиям.

Что такое анархизм?

В эпоху постмодернизма стало популярным отказываться от определений, поскольку они, как считается, задают жёсткие рамки нашему мышлению. Но это лишь отговорки. Понятно, что определения – это лишь инструменты для коммуникации, и они не могут претендовать на то, чтобы зафиксировать суть данного явления. Практическое определение основывается на некоторых критериях: происхождении термина и его этимологических аспектах, на употреблении и изменении значения слова с течением времени и на терминологических связях в используемой нами языковой системе. Нижеследующее рабочее определение анархизма следует понимать в этом смысле.

Прежде всего, анархизм является попыткой построения эгалитарного общества, которое предоставляет все возможности для максимально свободного развития его членов. Осознанное равенство есть необходимая предпосылка свободного развития, доступного для каждого, а не только для избранных. Оно может быть ограничено, только если препятствует свободному развитию других; чёткие границы здесь трудно провести (где кончается свобода одного и начинается свобода другого?), но это не значит, что они не могут быть оговорены.

До этого момента наше определение недалеко ушло от марксистской идеи коммунизма. Различие начинается со второй части, а именно с убеждения в том, что построение эгалитарного общества, дающего возможность свободного индивидуального развития, осуществляется политическими акторами, непосредственно претворяющими в жизнь главные ценности этого общества – в способах их организации, борьбы и устройстве повседневности. Сегодня это часто называют «префигуративной политикой». Это значит, что ни диктатура пролетариата, ни доброжелательные лидеры, ни авангарды с благими намерениями не могут вымостить дорогу к желанному обществу – люди должны сделать это сами. Люди также должны создать структуры, необходимые для защиты и сохранения этого общественного устройства. Самоуправление, взаимопомощь, горизонтальная организация и борьба со всеми формами угнетения – вот ключевые принципы анархизма.

Происхождение анархизма как особого, осознающего себя политического движения, уходит корнями в полную социальных противоречий Европу середины XIX века. Анархисты были тогда частью Международного товарищества рабочих, более извест-

¹ Мы хотели обойтись без примечаний в этом тексте, но обнаружили, что должны дать краткие пояснения нашего понимания терминов «социал-демократия», «ленинизм» и «марксизм». В то время как анархизм отделился от марксистских течений левого политического спектра довольно рано (поворотной точкой часто считается исключение из Первого интернационала Михаила Бакунина и Джемса Гильома на Гаагском конгрессе в 1872 г.), раскол между реформистскими социал-демократами и революционными ленинистами произошёл только во время Русской революции 1917 г. Тогда оба направления ещё считались марксистскими и приверженными идее построения социалистического общества. По мере вовлечения социал-демократического движения в парламентскую деятельность, эти идеологические установки быстро поблекли и исчезли из программ почти всех социал-демократических партий в 30-е годы. Современные партии, называющие себя социал-демократическими, уже не имеют отношения ко всей этой истории и проводят неолиберальную политику с слабым налётом кейнсианства. Когда мы говорим в тексте о «социал-демократии», то имеем в виду не эти партии, а традицию искренней марксистской политики в условиях парламентаризма. Некоторые, хотя и немногие, левацкие партии продолжают эту традицию сегодня.

ного как Первый интернационал, наряду с теми политическими силами, которые превратятся позднее в социал-демократов с одной стороны, и ленинистов – с другой¹. Мы считаем важным такое происхождение и видим анархизм частью левой традиции. Мы выступаем против провозглашения анархизма «философией», «этикой», «принципом» или «образом жизни», и считаем его прежде всего политическим движением. Одно дело – экзистенциальное мироощущение, и совсем другое – организация, нацеленная на политические преобразования. Без должной организации анархизм легко скатывается к благородной идее, отражающей больше религию или хипстерство, чем политические стремления. С другой стороны, анархизм – это не только антиавторитарная классовая борьба. Он гораздо шире и включает в себя целый спектр деятельности – от создания социальных центров до деконструкции гендерных норм и изобретения альтернативных видов транспорта. Префигуративное измерение анархизма всегда включает в себя темы, которые выходят за узкие рамки политической левой – вопросы диеты, сексуальные и духовные аспекты, как и проблемы личностной этики.

Анархизм и левые: социал-демократия и ленинизм

Поскольку исторически анархизм выступал как левое политическое движение, важно выяснить его отношение к социал-демократии и ленинизму. Мы должны помнить, что конечная цель – безгосударственное и бесклассовое общество, гарантирующее свободное развитие для всех – была изначально общей для всех трёх направлений.

Часто эти три направления характеризуются как левое (социал-демократия), радикально левое (ленинизм) и ультра-левое (анархизм). Мы считаем такой подход неверным. Скорее, мы должны представлять себе треугольник, где все направления взаимно равноудалены друг от друга. В то время как анархизм и ленинизм объединяет революционная позиция, ленинизм и социал-демократия имеют общие марксистские корни, а анархизм и социал-демократия вместе отвергают диктатуру пролетариата. Анархизм в равной степени близок и к социал-демократии, и к ленинизму – и то же верно в отношении каждого из них.

Главные критические положения, адресуемые анархизму марксистскими идеологами (социал-демократическими и ленинистскими), таковы:

а) анархизм наивен, поскольку он имеет идеалистические представления о человеческой природе и устройстве общества;

б) анархизм безответственен, поскольку, не имея представления о том, как осуществляются политические преобразования, он призывает к безумным действиям, которые, в худшем случае, только облегчают победу реакционным силам;

в) анархизм мелкобуржуазен, поскольку он так сильно заботится об индивидуальной свободе, что пренебрегает социальной справедливостью.

Некоторые из этих критических замечаний обоснованны, но они касаются только отдельных тенденций внутри анархизма. На самом деле, анархическое понимание природы человека гораздо тоньше продумано, чем у других левых направлений (например, относительно психологии власти). Что касается осуществления полити-

ческих преобразований, то некоторые действия анархистов бывали опрометчивыми, но большинство были взвешенными и продуманными. И хотя встречались индивидуалистические тенденции – они никогда не определяли движение в целом. Возможно самым важным является то, что, несмотря на ряд своих действительных и мнимых недостатков, анархизм имеет целый ряд преимуществ перед своими левыми политическими родственниками:

- Анархизм имеет богатую традицию критики природы власти. Что бы вы ни думали о мнимой простоте анархической теории, Михаил Бакунин в работе «Бог и государство», написанной в 1871 г., на двух страницах дал анализ развития того, что позднее реализовалось в виде Советского Союза. Он предсказал, что революционная партия, захватившая власть, неминуемо создаст новую правящую элиту, которая будет препятствовать освобождению народа и успешно подготовит своё собственное ниспровержение. В наше время такие известные марксисты, как Джон Холлоуэй, Славой Жижек и Ален Бадью говорят о необходимости построения коммунизма без государства и партии так, как будто это новое изобретение. Анархисты твердили о том же всё это время.
- Анархисты всегда уделяли большое внимание культурным аспектам власти, в то время как марксизм, в конечном счёте, всегда сосредоточивал главное внимание на экономических отношениях, придерживаясь тезиса об экономическом базисе, определяющем культурную надстройку. Хотя на словах марксисты и признавали динамичность и диалектичность этих отношений, они гораздо реже, чем анархисты, уделяли внимание культурной борьбе.
- Не только культурные аспекты власти, но и множественность видов угнетения становилась объектом пристального внимания анархистов. Только некоторые разновидности анархизма имели общую с марксизмом склонность объявлять всё, не относящееся к предполагаемой борьбе рабочего класса, второстепенными вопросами. Анархисты, к примеру, уделили много внимания критике патриархата и национализма. Во времена, когда термины «множественность угнетения» и «интерсекционализм» вошли в моду, анархизм с полным правом может объявить себя первопроходцем в этой тематике.
- Хотя, подобно своим марксистским визави, большинство классиков анархизма верили в научный прогресс как необходимое условие для движения к свободному обществу, анархизму никогда не были свойственны ни детерминистское понимание истории, ни европоцентристский рационализм. Элитистская концепция, рассматривающая учёных как новый около-правящий класс, уже очень рано была подвергнута критике, хотя утопические перспективы продолжали сохранять большое значение, вместо того, чтобы быть отвергнутыми как отвлекающие мечты. В условиях, когда положение исторического материализма выглядит неустойчивее, чем когда-либо, анархизм смотрится выигрывающее.
- Как минимум некоторые известные анархисты, такие как Лев Толстой и Густав Ландауэр, понимали необходимость «духовной революции». Не для того, чтобы

забавляться фокусами, а для того, чтобы подчеркнуть, что изменение человеческого духа необходимо так же, как и изменение мира. Духовное измерение делает радикальную политику богаче, а не беднее.

- За свой скепсис в отношении исторического материализма анархисты часто заслуживали от марксистов обвинение в «волюнтаризме», то есть в убеждении, что ход революционных процессов зависит от решений, принимаемых людьми (обладающих волей – voluntas). Марксисты считают такие взгляды неглубокими, настаивая, что индивидуальное сознание, а значит и способность индивидов к политическому действию, определяется экономической реальностью. Но правы анархисты. Социальные изменения происходят, когда люди хотят социальных изменений.
- В работах анархистов конца XX века, например, Мюррея Букчина, Поля Фейерабенда и так называемых анархо-примитивистов (со всеми их спорными моментами), доверие к технологии было серьёзно подорвано положениями, которые марксистская теория не в состоянии оспорить. В наше время, когда роль технологий во встающем перед нами социальном и экологическом кризисе становится всё очевиднее, невозможно не поверить анархистам в этом вопросе.
- Анархист – вечный критик. Обладая развитым скептическим отношением как к тоталитарным идеологиям, так и к культуре индивидуализма, анархисты всегда могут быстро обнаружить слабые места политических движений. Хотя это несёт свои неприятные побочные явления – начиная с того, что анархист становится досаждающей личностью и кончая тем, что иногда создаются препятствия для коллективной работы – всё же эта критика важна для предотвращения скатывания властных отношений к застою и догматизму.
- «Префигуративная политика» предоставляет анархизму большое практическое преимущество, позволяя совершать изменения в повседневной жизни, сложившейся под влиянием других политических учений.
- Внимание анархизма к разнообразию порождает богатство форм политических действий. В вопросах творческого подхода и инноваций анархизм легко оставляет позади левых-марксистов.

Анархизм и революция

Самым большим недостатком анархизма является отсутствие жизнеспособной концепции революции как радикального перераспределения власти и ресурсов. Это особенно бросается в глаза при рассмотрении революционной парадигмы анархизма. Дистанцирование от «реформистских», «либеральных» или «умеренных» сил – неотъемлемая часть анархистской самоидентификации.

Ни одно анархическое общество сколь-либо значительного масштаба не существовало вне военных условий. Ни одно из них не продержалось дольше нескольких

лет. Анархисты обычно считают, что виной тому вероломство марксистов и беспощадность приспешников капитализма. Верно и то, и другое, но это не является достаточным объяснением неудовлетворительных показателей анархистов на революционном поприще. Важным фактором является то, что анархисты отказываются – по понятным благородным причинам – играть роль, которая в революции необходима. Тут уместны часто цитируемые слова Фридриха Энгельса: «Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных». У анархистов нет удовлетворительного решения этой дилеммы. Были предприняты некоторые попытки, но ни одна не была достаточно убедительна. Наиболее значительные из них можно обобщить следующим образом:

а) Подход, основанный на «самоотстранении», который получил мощное теоретическое обоснование в трудах Густава Ландауэра. Вместо посягательств на государство Ландауэр предложил строить анархическое общество на основе автономных сельских кооперативов и общин. Идея прекрасна, но радикальные общины появлялись и исчезали на протяжении ста пятидесяти лет, никогда не создавая при этом какой-либо угрозы капитализму и государственной власти. Как только они начинали докучать, их уничтожали или интегрировали в капиталистическую рыночную систему; активная коммерциализация «альтернативной культуры» в последние десятилетия является одним из ярких примеров последнего.

б) Подход «радикальных реформистов», в котором говорится о «поэтапной революции» или о революции как «процессе», а не как «резком переломе». За этой формулой обычно скрывается не более чем традиционная реформистская концепция, приправленная радикальной риторикой. Она нас не очень интересует.

в) «Инсurreкционистский», повстанческий подход, в котором революция из «структурного преобразования» становится «блаженным моментом обретения силы». Нет ничего плохого в инсurreкционистах. Они обнажают социальные противоречия, они на время переворачивают соотношение сил с ног на голову, они вдохновляют и т. д. Но они не меняют основополагающую общественную иерархическую структуру. И даже если они вносят свой вклад в образование «вакуума власти», если на его месте не появится радикальная контр-структура, этот вакуум легко может оказаться заполнен реакционерами. Хотя инсurreкционизм может быть важным элементом революции, приравнивать его к самой революции – все равно, что приравнивать стартовую борьбу за шайбу к самой игре в хоккей.

г) «Коллапсистский» подход, при котором любые попытки изменить текущий порядок считаются по определению бесполезными, ввиду того, что исключительно события катастрофического масштаба могут (и будут) служить причиной краха этого порядка. Согласно этой логике, анархистский активизм должен сводиться к подготовке к катастрофе, дабы заменить исчезающие институты власти («цивилизацию») небольшими независимыми анархообщинами. В рамках такого сценария основной проблемой является отсутствие механизмов (кроме верховенства силы), позволяющих решать социальные конфликты, которые непременно возникнут. Другими словами, коллапсизм легко скатится в социальный дарвинизм. И даже если этого

не произойдет, ожидание конца — не лучшая основа для здоровой политической деятельности. Это довольно дерзко, если не сказать больше, — выступать за прекращение попыток изменить систему, ссылаясь на то, что она все равно скоро сама развалится. А что, если нет? Превращение пораженчества в добродетель нам не поможет.

Тот факт, что у анархистов нет жизнеспособной концепции революции, не дискредитирует анархизм и не указывает на его несостоятельность. На самом деле, историческая значимость анархизма намного выше, чем считает большинство анархистов. Анархизм всегда был важным двигателем социальных перемен. Восьмичасовой рабочий день, свобода слова, антивоенное движение, право на аборт, защита прав ЛГБТК, антиавторитарная педагогика, веганство и т. п. - когда-то в авангарде всех этих направлений борьбы шли анархисты. Просто ни одно из них не стало революционным. Вместо этого вся эта борьба, по большей части, интегрировалось в развитие капиталистического национального государства.

Анархистам нужно быть откровенными перед самими собой. Либо они признают себя реформистами с радикальным уклоном (что само по себе может быть не так и плохо), либо они занимаются разработкой четкой революционной перспективы. Радикальная показушность и отвергание «реформистской»/«либеральной»/«умеренной» политики – все это выглядит нелепо, когда твоя собственная политика не более революционна, чем политика НПО, церковных групп и благотворительных организаций.

Проблемы анархизма сегодня

Проблема революции преследовала анархизм с самого момента его появления. Другие проблемы приходили и уходили, в зависимости от исторических обстоятельств и состояния самого движения. Ниже приводятся основные из тех, что мы можем определить на сегодняшний день:

- Неуместное чувство морального превосходства, которое зачастую затмевает саму политическую деятельность. Судя по всему, основополагающей проблемой является конфликт двух мотиваций, проявляющийся, когда люди начинают активную деятельность в анархистских кругах: с одной стороны — ты хочешь изменить мир, с другой — хочешь стать лучше, чем все остальные. Последнее легко ведет к самомаргинализации, поскольку чувство морального превосходства основывается на принадлежности к «избранным» в противовес «массам». Когда это чувство начинает доминировать, собственная личность становится важнее поступков, а выявление чужих недостатков – важнее политических изменений. По иронии судьбы, чаще основными мишенями этого становятся не враги, а свои же соратники, следуя, по-видимому, логике «Не можешь ударить того, кого нужно, бей того, кто рядом». Осуждение посторонних вкупе с соперничеством за звание главного моралиста среди своих несовместимо с любым движением, заявляющим о своей революционной целостности.

- Анархическое движение – это, по большому счету, субкультура. Субкультуры – это замечательно. Они предоставляют приют людям (порой жизненно необхо-

димый), они помогают сохранять и передавать активистские знания, они дают возможность экспериментировать и т. д. Но инакомыслие – это еще не революция. Если политика сводится к субкультурщине, революционная риторика теряет смысл, становится пустой и отталкивающей. Люди ненавидят одно и шлют к чертям другое, но к чему все это ведет?

- Настрой во многих анархистских кругах варьируется от угрюмо-недовольного до неприкрито-грубого. Порой кажется, что более недружелюбное место, чем наша миниатюрная модель “освобожденного мира”, сложно и представить: темно, грязно, кругом люди, которые путают неприветливость с бунтарством. Скотское поведение не делает тебя радикалом, оно делает тебя скотом. К сожалению, внутренние дискуссии также характеризуются враждебностью и агрессивностью. Ветки на некоторых анархических онлайн-форумах — верное средство для окончательного отвращения людей от анархизма. Радикальным подходом к конфликту является готовность к диалогу, открытость и самокритика, а вовсе не анонимное рычание друг на друга.
- Несмотря на то, что в теоретическом плане признаются идеи индивидуальности и многообразия, анархическая сцена чрезвычайно единообразна. В любом уличном кафе контингент шире, чем на большинстве анархических мероприятий. Понятно, что тому есть исторические причины, но, по сути, анархическая культура – язык, внешний вид, нормы поведения — очень однородна. Как так получилось, что среди анархистов люди чувствуют себя неловко из-за того, что они едят, что носят, что слушают?
- В анархосреде существует огромная пропасть между активистами, которые выступают против несправедливости, и теми, кто непосредственно сталкивается с ней. Все должны действовать сообща, чтобы добиться каких-либо перемен, но необходимо учитывать, что мотивы могут быть разными. В то время как следующие миссионерскому порыву активисты в основной массе довольно идеологизированы, люди, которые сами страдают от несправедливости, зачастую более прагматичны. И пока это различие не будет признано, активисты будут продолжать отдаляться друг от друга. В худшем случае, останутся лишь идеологи со своими абстрактными дебатами о самоидентификации или приемлемых языковых оборотах. Они окажутся на передовой радикальной политики, в то же время находясь в полном отрыве от практической политической деятельности. Радикальная политика тогда превратится по большей части в интеллектуальные упражнения, почти ничего не говорящие о надежности и самоотверженности ее участников.
- Концепции свободного пространства и пространства безопасного зачастую отождествляются. В мире, в котором мы живем, необходимо иметь безопасное пространство, то есть, место, где люди могут рассчитывать на помощь и поддержку. Это место выполняет определенную функцию, отличную от «свободного пространства», к созданию которого мы также стремимся. Свободное пространство позволяет людям высказывать свои мысли, дискутировать, сов-

местно решать проблемы, возникающие в процессе. В долгосрочной перспективе ощущение безопасности дает наша коллективная способность обсуждать границы и рамки. Абсолютной безопасности достичь невозможно. Уязвимость, недопонимание и раздражающие факторы – часть социальной жизни, и они не исчезнут даже в самом анархическом из обществ.

- Идею о том, что каждый человек должен иметь возможность заниматься чем пожелает, часто путают с идеей о том, что каждый в состоянии заниматься чем угодно. Освоение квалификаций или передача знаний опытными активистами и организаторами зачастую высмеиваются. Это ведет к тому, что одни и те же ошибки совершаются снова и снова, одно и то же колесо нам приходится изобретать вновь и вновь.
- В анархосреде практически полностью отсутствует стратегическая направленность и дальновидность. Вдобавок ко всему, организационная структура переживают глубокий кризис. Гегемония спонтанности, метод аффинити-групп, романтизированное представление о множественности – все эти концепции изобилуют недостатками. Единственное устойчивое общество, возможное в таких условиях, – кучка друзей, что не может послужить достаточной основой для организации, затевающей широкомасштабные социальные преобразования. В рамках движения основным механизмом решения этой проблемы является платформизм, который, в свою очередь, недооценивает важность индивидуальной ответственности, что вносит путаницу в понимание формальности и эффективности (к чему мы еще вернемся в заключительной главе).

Что делать?

Анархистская субкультура широка. Она имеет основательную инфраструктуру и устойчивый приток новых людей (пусть и со значительным оттоком). Она может с лёгкостью поддерживать себя, даёт благоприятную почву всем, кто отрицает «мэйнстримовую», «буржуазную» или «нормальную» культуру и обладает всеми преимуществами субкультур (см. выше). Также анархизм порождает влиятельные идеи, вдохновляющие формы социального взаимодействия и живую культуру протеста. Всё это создаёт интересную политическую среду и подтверждает актуальность анархизма в повседневной жизни. Посему, если недостаток революционной перспективы нас не беспокоит, то, в общем-то, не о чем волноваться. Субкультуре не угрожают проблемы, которые мы очертили выше. Но если мы считаем, что отказ от революционной перспективы это слишком серьёзная жертва (и если не хотим отдавать наиболее преданных идей товарищей-анархистов ортодоксальному марксизму), мы должны сделать её развитие возможным. Вот несколько предложений:

1. Анархисты должны прояснить, чего они хотят, и трезво оценить свои возможности.
2. Воля к изменению общества должна быть важнее, чем оберегание своего притворно-радикального статуса.

3. Анархисты должны говорить на языке, понятном для людей, не являющихся частью анархистской сцены. Язык всегда меняется, и его проблемные аспекты должны пересматриваться, но анархистские дискуссии должны быть вовлекающими, а не отталкивающими.
4. Нам нужны позиции. Вопреки мнению, ставшему аксиомой для многих анархистов, позиции - это не предписания, диктующие людям, как им себя вести. Анархистские позиции попросту очерчивают, чего именно хотят анархисты. Без формулирования этих идей, никто за пределами анархистских кругов не возьмёт в толк, что же анархисты пытаются сказать. Вечно примерно представлять себе что-либо - недостаточно. В какой-то момент это необходимо сформулировать.
5. Понятие стратегии исказили до костного активистского плана. Развивать стратегию означает попросту иметь представление о том, как добиться того, чего вы хотите. Если вы отказываетесь от стратегии, вы отказываетесь от революционной работы.
6. Нет противоречия между созданием автономных структур и борьбой с господствующим порядком. Этот ложный конфликт не нужен и вредоносен. То же самое касается мнимого противоречия между «практикой» («образом жизни») и коллективным организационным строительством. Они усиливают друг друга.
7. Нам нужна трансформация ценностей. До тех пор, пока мы желаем иметь все производимые блага, мы не сможем привести политическую и экономическую систему к уровню экологической и социальной устойчивости.
8. Критика технологии должна быть частью любого революционного движения. Технология делает людей зависимыми от систем, которые они не контролируют, и требует такой громоздкой социальной организации, которую невозможно поддерживать на горизонтальных принципах. Нам нужно отказаться от атомной энергии и других мнимых выгод, которые держат землю и человечество в заложниках. Нам стоит подвергнуть сомнению статус прогресса как необходимого средства сделать мир лучше, пристально приглядеться к рационализму и науке и сосредоточиться на малых сообществах.
9. Если вы спросите анархистов, почему они концентрируются на одних направлениях борьбы, а не на других, то наиболее распространённым ответом будет «все направления борьбы важны». Но это не ответ на вопрос. Проблема не в том, важны ли все направления борьбы (разумеется, важны!), а в том, почему мы ставим одни в приоритет перед другими. Да, здесь включается субъективный фактор: ты предпочитаешь ту борьбу, которая близка тебе в наибольшей степени или в которой ты чувствуешь для себя наибольшие шансы на успех. Однако, если мы считаем себя революционерами, мы должны уметь определить, какое направление борьбы или конкретный случай борьбы обладает наибольшим революционным потенциалом. Моральная потребность не обязательно коррелирует с революционным потенциалом. Большинство проявлений борьбы

не революционны сами по себе. Им нужно придать революционный характер, напрямую связав их с революционной политикой.

10. Широкое разнообразие всегда было одной из сильных сторон анархизма, однако это не должно становиться оправданием пренебрежения к анализу. «Потребностью в разнообразии» может быть оправдана любая глупость, словно бы это карт-бланш творить всё, что заблагорассудится. Например, не все тактики одинаково полезны в конкретной ситуации. Они должны подбираться в зависимости от наших возможностей и специфики ситуации. Что мы хотим? Кто участвует? Что реально мы можем добиться? Какими средствами? Разнообразие хорошо, когда оно обеспечивает открытость, гибкость и широту возможностей. Но когда его превозносят как самоценность, радикальная политика превращается в неолиберальный шопинг: ты выбираешь то, что удовлетворяет твои капризы.
11. Открытая дискуссия — важнейшее условие как для существования продуктивной интеллектуальной среды, так и для освобождения. Когда люди говорят или делают вещи, в которых другие видят проблему, то результатом должна стать дискуссия, а не ругань, подавление или затыкание.
12. Названия не имеют значения для многих анархистов. «Неважно, как ты называешь себя, важно, что ты делаешь». На первый взгляд, это звучит разумно. Однако название — это слово. Слово — инструмент коммуникации. А в коммуникации мы используем условности. Присвоение названия какому-либо содержанию или политике позволяет окружающим — друзьям и врагам — уловить суть того, за что мы стоим. Именно так мы выстраиваем общность и солидарность. На свете никогда бы не было «коммунистической угрозы», если бы у неё не появилось обозначения. Для социального движения, объединяющего людей со схожими взглядами, важно иметь имя.
13. Нам нужно создать организации, анархистские по своей природе, — и анархистские открыто, — но при этом способные играть решающую роль в более широких социальных движениях и народных организациях (профсоюзах, организациях жильцов, потребительских группах, спортивных ассоциациях и т. д.). Анархистские организации должны создавать сеть для дискуссий, совместных действий и взаимной поддержки. Это требует определённого уровня формализма, однако формализм не нужно путать с эффективностью. Эффективность всегда опирается на личные качества членов организации, такие как ответственность, надёжность и отчётность. Вот почему платформизм не является решением для кризиса организованности у анархистов. Нам нужно нечто более адаптивное.
14. К важности индивидуальных качеств нужно относиться серьёзно. Коль скоро мы отвергаем механизмы контроля «сверху-вниз», обеспечивающие выполнение чего-либо, люди должны быть достаточно преданы делу, чтобы делать всё самостоятельно. Реалии анархистов далеки от этого. Многие анархисты делают

что-либо лишь тогда, когда чувствуют «вдохновение». У многих есть масса мнений о том, что должны делать другие, в то время как сами они не делают ничего. Многие проявляют ненадёжность и безответственность, охотно клеймя тех, кто критикует их поведение, «авторитариями». Многие используют собрание для эгоцентричной болтовни вместо осмысленного принятия решений. Если эти тенденции одержат верх, то нет надежд, что анархизм когда-либо станет революционным движением.

15. Анархизму нужен новый синтез. Людям, сосредоточенным на разных направлениях борьбы: на рабочем месте, патриархате, милитаризме и т. д., - нужно работать вместе, объединиться вокруг свода общих принципов и согласовать общую стратегию, в рамках которой разные тактики объединены наиболее продуктивно. Когда анархисты выстраивают свою линию по принципу исключения, это вредит всем - в том числе и тем, кто исключает.
16. Анархисты должны осознать границы анархистской политики. В зависимости от задач той или иной борьбы социал-демократический или ленинистский подходы могут быть более подходящими. Защищать «социальное государство» — это реформистское направление борьбы, и если анархисты считают, что это нужно делать — их работа будет наиболее эффективной в качестве внепарламентских сил, поддерживающих работу социал-демократов. То же и, например, с индийскими крестьянами, которые рассматривают «затяжную народную войну» — то есть ленинизм в его маоистской версии — как наиболее подходящий ответ на государственные репрессии, с которыми они сталкиваются. Если анархисты хотят поддержать этих крестьян, они должны пойти на идеологические уступки. Сектантство в левом спектре должно исчезнуть, анархисты должны играть свою роль.
17. Многие анархисты ассоциируют такое явление как кадры организации исключительно с ленинистской политикой. Это прискорбно. По сути, кадр — это лишь полностью занятой организатор. Между фул-тайм организатором и активистом выходного дня есть разница. Кадры не заслуживают привилегий, однако их опыт и преданность делу должны получать признание — это нужно не им, а движению. Также кадры должны готовиться к революционным ситуациям. Недостаток этой подготовки был одной из величайших исторических слабостей анархизма.
18. Упрямое избегание дискуссий о лидерстве сильно вредит анархизму. В любых социальных группах есть лидеры — называете вы их так или нет. Только когда это осознаётся — авторитарные и эксплуататорские аспекты лидерства могут быть сnivelированы. В противном случае, лидерство будет существовать в непрозрачном и неподотчётном виде — что свойственно многим анархистским группам.
19. Мы должны понимать корни анархизма. У анархизма нет монополии на антиавторитарную мысль, которая в разных проявлениях и формах может быть найдена во всех культурах и во все эпохи. Анархизм же - как самостоятельное

политическое движение — продукт социально-политических условий Европы XIX века. У него есть культурные черты, которые присущи движению вплоть до сегодняшнего дня, и они мешают ему распространяться так, как этого хотело бы большинство анархистов. Решение не в том, чтобы объявлять все антиавторитарные течения «анархистскими» (что в худшем случае представляет собой форму колониальной кооптации: если люди предпочитают не использовать понятие «анархизм», значит у них есть для этого причины). Анархисты могут решить эту проблему, доказав, что они ценные союзники в борьбе за освобождение.

20. Так называемая политика альянсов может использоваться как ведущий принцип для анархистов, участвующих в социальной борьбе, организованной другими силами. Однако эту концепцию следует понимать верно. Слепо отвечать согласием на чьи-либо требования в ваш адрес значит отречься от себя. Это не имеет ничего общего с радикализмом. Кроме того, ни один индивид или группа никогда не представляет всё сообщество. Поэтому мы не можем отказаться от ответственности принимать решения, ссылаясь на чей-либо авторитет. Мы должны отвечать за свои решения. Порой может быть необходимо принять чьё-то лидерство в борьбе, но мы всегда должны делать это критически — чтобы совместно продвинуть борьбу вперёд.
21. Нам нужны серьёзные дискуссии о возможности/невозможности вооружённой борьбы. Вместо детской романтизации бунта и преступления, нужно изучение того, как власть распределяется и поддерживается, и как ей можно бросить вызов военным путём - что при большинстве сценариев глубокого социального конфликта будет необходимо. Больше того, если мы действительно серьёзно думаем о революции, мы не можем превращать армию и полицию в вечного врага. Почти все революции опирались на то, что вовлекали в свои ряды часть армии и полиции. Военные возможности партизанских групп в период высокотехнологичной войны стремительно снижаются. Это реальность, с которой мы должны иметь дело, какой бы неудобной она ни была.
22. Мы должны переосмыслить проблему экономической компенсации. DIY-культура играет большую роль, оберегая независимость, стимулируя творчество и воспитывая изобретательность. Однако, когда граница самоэксплуатации пройдена — в ней остаются почти исключительно выходцы из среднего класса (в основном, мужчины, и в основном, белые).
23. Продвигать революцию ради революции — бессмысленно. Единственное, что оправдывает революцию это то, что она делает жизни людей лучше. Этот принцип должен быть отражён во всём, что делают революционеры.

Anarchist Alpine Productions, май 2016

Перевод: анархистский коллектив переводчиков

Оригинал: <https://theanarchistlibrary.org/library/gabriel-kuhn-alpine-anarchist-productions-revolution-is-more-than-a-word-23-theses-on-anarchism>

Послесловие от переводчиков: Статья Габриэля Куна ценна, в первую очередь, тем, что коротко и метко обозрела ключевые проблемы политической практики современных анархистов, исходя из понимания анархизма как революционного движения. Многие мысли автора спорны. Так, критикуя технологии, Г. Кун не касается их роли в обеспечении защиты природы. Справедливо обозначая отличия анархизма от социал-демократии и ленинизма, в своём 16 тезисе автор призывает к идеологическим уступкам по отношению к этим направлениям и изживанию «сектантства» в левой среде. Но разве могут анархисты уступить государственничеству ленинизма или «смягчённому капитализму» социал-демократов, не потеряв себя? Ответ на вопрос, как можно участвовать в борьбе, организованной сторонниками не-либертарных политических течений даёт сам автор несколькими строками выше: «Большинство проявлений борьбы не революционны сами по себе. Им нужно придать революционный характер, напрямую связав их с революционной политикой».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Габриэль Кун
Революция - это больше, чем слово
Двадцать три тезиса об анархизме

https://avtonom.org/author_columns/gabriel-kun-revolyuciya-eto-bolshe-chem-slovo

Об авторе: Габриэль Кун — философ, политический публицист и переводчик. Родился в 1972 году в Австрии. Путешествовал и жил во многих странах мира, ныне проживает в Швеции. За исследования в области философии постструктурализма получил научную степень PhD по философии. Сотрудничал со многими левыми и анархистскими изданиями и издательствами. Автор статей, предисловий и исследований в области анархистского движения, субкультур и др. Создатель политического издательства *Alpine Anarchist Productions*, работающего на принципах *DIY*. Габриэль Кун также известен как полупрофессиональный футболист и автор брошюр «Руководство по анархистскому футболу» и «Футбол против государства», завоевавших популярность в анархистских кругах.

ru.theanarchistlibrary.org